

Б.А. Старостин

Мотивы поэзии Лермонтова Любовь

Любовь — всепроникающая тема и один из универсальных мотивов в творчестве Лермонтова, выступающий в своем конкретном воплощении как любовь к отечеству к природе, детям («Ребенку», «Казачья колыбельная песня»), к родным («Ужасная судьба отца сына...») и прежде всего — как любовь к женщине в ее различных проявлениях: от бескорыстно-идеального, «небесного» чувства до всепоглощающей любви-страсти или демонического соперничества. В значении общечеловеческой любви к ближнему слово «любовь» употреблено Лермонтовым единственный раз в стихотворении «Пророк» («Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья»). К любви во всех ее формах Лермонтов предъявляет требование высокой ответственности, верности, полного понимания...

Биографические факты, такие, как детская влюбленность Лермонтова на Кавказе, или переживания, связанные с чувствами к Е. Сушковой, Н. Ивановой, В. Лопухиной, способствовали кристаллизации в его творчестве любовных мотивов, далеко не сводящихся, однако, к осмыслению собственных увлечений. Исходным для Лермонтова было понимание любви как непреодолимой, охватывающей всего человека и даже весь мир онтологической силы.. В программном стихотворении «1831-го июня 11 дня» Лермонтов говорит:

Я не могу любовь определить.
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Бескомпромиссность лирического героя Лермонтова, представление о любви как о высшем и потому неосуществимом идеале в своей основе трагичны. Любить «на время — не стоит труда, / А вечно любить невозможно»; «В наш век все чувства лишь на срок». Но Лермонтов не остановился на абсолютном противопоставлении несовершенной реальной и неосуществимой идеальной вечной любви. В раннем творчестве он использует, в частности, воскрешенный романтизмом и восходящий к поэзии трубадуров культ любви... В позднем творчестве Лермонтова эти мотивы исчезают или видоизменяются.

Более устойчивым оказался мотив абсолютной верности... Но и перенос трагически «ограниченного» чувства в трансцендентный план не дает герою Лермонтова надежды на его преодоление (к переводу Из Г. Гейне «Они любили друг друга так долго и нежно...») Лермонтов добавил грустную концовку: «наступило за гробом свиданье... / Но в мире новом друг друга они не узнали»), В то же время сама «временность» любви может переживаться как «посюстороннее» трансцендентное мгновение, за которое не жалко отдать и вечность. «Вечность дам тебе за миг», — обещает Демон Тамаре. «Вхождение» вечности в жизнь через любовь дается и трактовкой любви как припоминания («Ангел», «Нет, не тебя так пылко я люблю...»). Лермонтов не может и не хочет примириться с мыслью, что над его могилой будет «равнодушная природа / Красою вечною сиять» (Пушкин); его мечта — «навечно так заснуть... Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел».

У Лермонтова больше, чем у других русских лириков, любовная тема пронизана мотивами страдания — неудачи, неисполнимости связанных с этим чувством надежд... Неразделенная любовь, начиная с самых ранних стихов и на протяжении всего творчества, выступает как лейтмотив, наряду с темой страдания от измены любимого человека или от обманчивости всей жизни... По силе, просветленности, опозитизированности (и вместе с тем гибельности) чувства любви такие поздние стихотворения Лермонтова, как «Сон»,

«Морская царевна», «Дары Терека», «Тамара», принадлежат к шедеврам мировой лирики. Губительность любви нередко связывается с жертвенностью героя (сердце поэта — «жертвенник, сгоревший от огня») или, наоборот, с его неспособностью преодолеть свой эгоизм. Как истинная, так и мнимая вина для героев Лермонтова служит неизбежным источником страдания в любви. В изображении этого комплекса мотивов Лермонтов предвосхитил Достоевского, но Лермонтову чужда идея искупления через страдание.

Как бы ни были важны «вечные темы» и мировоззренческие ассоциации, связываемые в лермонтовском творчестве с любовью, все они в своем конкретном проявлении коренятся в своеобразии художественно-психологической трактовки любви у Лермонтова. В отличие от Пушкина, Вяземского, Языкова и других поэтов, определивших лицо раннего русского романтизма, в лирике Лермонтова любовные мотивы почти никогда не разрабатываются как самодовлеющие. Любовная тема неизбежно вторгается в стихи, ставящие коренные вопросы «жизни назначения». При этом Лермонтов воссоздает не столько непосредственно переживаемый момент любовного чувства, сколько поэтико-философскую рефлексию над ним, чаще даже над воспоминанием о нем («Люблю в тебе я прошлое страданье»; «Расстались мы, но твой портрет / Я на груди моей храню»). Поэтому тема чувственной любви... у Лермонтова представлена мало. Несравненно более важную роль играет уровень изображения, который можно определить как чувственно-символический, когда в качестве символов любви выступают восприятия и ощущения. <...>

Социальные моменты вообще нередко играют важную роль в изображении психологии любви и любовных ситуаций у Лермонтова, уделяющего немало внимания вопросам брака, «света», положения женщины... «Беззаконный союз» и отказ от семейных уз из-за «людского предубежденья» («Прелестнице», «Договор») выше такого брака... Тема «света», на глазах у которого развивается и гибнет любовь, проходит через все творчество Лермонтова. Но настоящая любовь дает убежище от «бесчувственной толпы» и ядовитой «злобы» людей или, по крайней мере, надежду на такое убежище.

Любовь у Лермонтова нередко проявляется в целом комплексе чувств и порывов, таких, как восхищение, благодарность («Слышу ли голос твой...»), сострадание. Любовь может зарождаться «от скуки, от досады, от ревности»... она может быть осуществлением всегда жившего в душе идеала, но любовь — это и прибежище от одиночества, нередко последнее... От одиночества в светской толпе поэт уходит в воспоминания о детской любви.

Будучи высшей ценностью, любовь у Лермонтова выступает и как онтологически враждебная «злая» сила. Любовь героев Лермонтова с их крайней гордостью способна породить вражду или переходить в ненависть — прежде всего через ревность; или же самая требовательность исключительности в любви может стать источником ненависти. Печорин говорит: «Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть»... В раннем творчестве этот круг мотивов нередко перерастает в идею мщения... В зрелой же лирике Лермонтова любовь, даже отвергнутая или безнадежная, выступает как светлое, одухотворяюще-нравственное начало («Ребенку», «Валерик», «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и др.). В стихах последних лет интеллектуалистическая рефлексия, осмысление драматического развития любовного чувства сменяется (хотя и не исчезает совсем) тенденцией к «внеличному» обобщению идеи любви. Так, в переводе стихотворения Гейне «На севере диком...» Лермонтов, в отличие от Тютчева и Фета, заменивших в своих переводах сосну на кедр, чтобы сохранить различие в роде, «игнорировал эту деталь, придав тем самым всему стихотворению более общий философский смысл» (Б. Эйхенбаум). Этому, в частности, служит и объективированная, балладная обработка фольклорных тем («Морская царевна», «Дары Терека», «Тамара»), обнажающая и как бы освобождающая лирическую сущность и смысл любви от всех случайностей индивидуальной судьбы.